

Научная статья
УДК 947.083(571.6):314.74(510)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта

Татьяна Зиновьевна Позняк
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, tzpoznyak@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется дискурс и практики взаимодействия китайских мигрантов и представителей российского государства в приграничном регионе в рамках концепций Дж. Скотта. Автор останавливается на нескольких сюжетах из истории этого взаимодействия на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу, что возможны различные толкования фактического материала: в одних случаях мы можем интерпретировать неподвластность китайцев российским властям как подвластность маньчжурским, в других – как разнообразные формы сопротивления любому государству. В текстах российской власти сквозит озабоченность неподконтрольностью и неполяльностью китайцев, но уже наличие этого дискурса и усилий региональной администрации по установлению контроля над азиатскими мигрантами свидетельствует о начавшемся процессе установления подвластности "Зомии" государству.

Ключевые слова: "Моральная экономика", "зазейские маньчжуры", китайские мигранты, российский Дальний Восток, государство, власть, региональная администрация, манзовская война, хунхузы

Для цитирования: Позняк Т. З. Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 12–24. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

Chinese Migrants and Regional Administration in the Russian Far East in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries in the light of James Scott's research

Tatiana Z. Poznyak
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, tzpoznyak@mail.ru

Abstract. The article analyzes the discourse and practices of interaction between Chinese migrants and representatives of the Russian state in the border region within the framework of the concepts of J. Scott. The author dwells on several cases from the history of this interaction in the Russian Far East in the second half of the XIX and early XX centuries. The author comes to the conclusion that various interpretations of the factual material are possible: in some cases, we can interpret the Chinese's insubordination to the Russian authorities as subordination to the Manchu authorities, in others – as various manifestations of the resistance to any state – "the Art of Not Being Governed". In the texts of the authorities, there is a concern about the lack of subordination of the Chinese, but the presence of this discourse and the efforts of the regional administration to establish control over Asian migrants testify to the process of establishing the subordination of "Zomia" to the state.

Key words: "Moral economy", Zazei Manchus, Chinese migrants, Russian Far East, state, authorities, regional administration, Manzov war, Honghuzi

For citation: Poznyak T. Z. Chinese Migrants and Regional Administration in the Russian Far East in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries in the light of James Scott's research // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 12–24. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

В последние годы среди отечественных ученых стали популярными труды известного американского антрополога и политолога Джеймса Скотта, опубликованные в 1970-е – 2000-е гг. [32–36]. В 2000-х – 2020-х гг. некоторые из них переведены на русский язык [23; 24]. Разработанный им понятийный аппарат историко-социологического исследования власти применяется "широко и эффективно антропологами, социологами, политологами, историками, причём не только при изучении традиционных сельских сообществ, но и в исследовании вполне современных социальных институтов Запада" [12, с. 148]. Актуальным и небезынтересным представляется предложение редколлегии журнала "Ойкумена" осмыслить в этих парадигмах китайское и корейское земледельческое население на российском Дальнем Востоке в разные исторические эпохи. Концепты и понятийный аппарат Дж. Скотта вполне применимы к определенным периодам истории российского Дальнего Востока. Приамурье и Приморье в начальный период освоения русскими можно рассматривать как своеобразную "Зомию" – трудно- и недоступные государственной власти территории на периферии двух империй – Российской и Цинской, – где формировались самоуправляющиеся сообщества беглецов и

бродяг, сознательно выбиравших для жизни необитаемые местности и устанавливавших симбиотические отношения с этими государствами. Однако, вероятно, это относится к довольно короткому периоду – пока эти империи не начали устанавливать контроль над этой территорией. Дж. Скотт признает, что существованию Зомии положен конец после Второй мировой войны, когда государство получает новые возможности установления контроля, поглощая прежде неконтролируемые районы [24, с. 13].

Для исследования повседневных практик взаимодействия с властью как российских крестьян, казаков, так и китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в период с 1880-х гг. продуктивным представляется также концепт "моральной экономики". В книге "Моральная экономика крестьянина: восстание и выживание в Юго-Восточной Азии" Дж. Скотт формулирует главный социальный идеал традиционного сообщества - моральная экономика, понимаемая как безопасное существование, предотвращающее голод: земледелец в первую очередь стремится избежать неудач, которые являются причиной его разорения, а не пытается сорвать большой куш от рискованных мероприятий. Поведение крестьянина можно охарактеризовать как нежелание риска и минимизация вероятности максимальной потери. Исходя из главного принципа – безопасность и гарантии выживания, – крестьянство вырабатывает этическую систему и целый ряд приспособительных приемов и практик взаимопомощи. Обеспечение гарантий выживания структурировало также этику отношений с внешним миром – "элитами" / государством, главным принципом в которых было требование равенства, справедливости и обеспечение минимума земельных ресурсов для базовых потребностей. Крестьянская идея справедливости и законности обеспечивается нормой взаимности и вытекающей из нее обязанности элиты (и, соответственно, права крестьянина) гарантировать или, по крайней мере, не нарушать требования на выживание и условия, в которых для крестьянина это возможно. Отказываясь признавать базовые права крестьянина в качестве своих обязанностей, элита утрачивает право на продукт крестьянина и в результате разрушает нормативный базис для дальнейшего почтения к себе. Неповиновение становится нормативно оправданным [32, р. 4–7, 32–33, 188–189].

В книге Дж. Скотта "Оружие слабых" идеи "моральной экономики" получили дальнейшее развитие. Поговорка крестьян Центральной Америки — "подчиняюсь, но не повинуюсь" является ключевой для понимания моделей поведения "слабых" перед лицом "власти". Непрерывное сопротивление крестьян эксплуатации принимает различные формы в зависимости от ситуации, и только в крайнем случае оно выливается в открытый бунт, за который приходится платить необыкновенно высокую человеческую цену. Предпочтительным является рутинное сопротивление: "Повседневные формы крестьянского сопротивления - прозаическая, но постоянная борьба между крестьянством и теми, кто стремится извлечь из него рабочую силу, продовольствие, налоги, арендную плату и проценты. Большинство форм, которые принимает эта борьба, не доходят до коллективного открытого неповиновения" [33, р. 29–30]. Формы пассивного неподчинения бывают весьма разнообразными: притворство, уклонение, обман, ложная уступчивость, воровство, притворное невежество, клевета, поджоги, саботаж, затягивание сроков исполнения, потаенные послания и пр. Слабые не бессильны, они находятся в конфронтации с властью, те, кто правят, одерживают победу, но редко когда полную [29, с. 12].

Цель статьи рассмотреть дискурс власти и практики взаимодействия китайских мигрантов и представителей российского государства в приграничном регионе во второй половине XIX - начала XX в. в рамках концепций Дж. Скотта. Используемый автором термин "китайские мигранты" обозначает выходцев из Китая (подданных Цинской империи / граждан Китайской республики) любой этнической принадлежности (ханьцы, маньчжуры, дауры и др.), оказавшихся в силу тех или иных причин на российской территории – приехавших на заработки или живших на данной территории до ее присоединения к Российской империи и оставшихся здесь проживать после. Автор осознает дискуссионность и неточность этого, как, впрочем, и многих других – манзы, китайцы, китайское население – терминов.

Необходимо предварительно оговорить несколько моментов. Во-первых, автор не ставит перед собой задачи создания последовательного нарратива о взаимодействиях российских региональных властей и выходцев из Цинской империи / Китайской республики, поскольку история иммиграции и правовые основы пребывания иностранных подданных на российском Дальнем Востоке, включая подданных Цинской империи, довольно обстоятельно изложены в исторической литературе [8; 10; 11; 13; 14; 15; 17; 22; 25; 26], и в виду обширности темы создание цельного нарратива на новом концептуальном основании требует объема не статьи, а монографии.

Во-вторых, концепты выбраны автором исходя из установки редколлегии журнала и названия рубрики – на исследование китайцев и корейцев – земледельцев и их "неподвластности". Автор попытался показать, что концепт "неподвластности" не всегда применим, и в каких-то случаях взаимодействие региональной администрации и выходцев из Цинской империи можно интерпретировать, скорее, в рамках концепта "моральной экономики крестьянина" и "оружия слабых".

В-третьих, земледельцы составляли лишь небольшую часть китайского населения на российской территории. Преобладающими занятиями среди китайцев были торговля, морской каботаж, извоз, морские и лесные промыслы, наемный труд в добывающей и обрабатывающей промышленности, на транспорте и пр. [14; 17; 19; 31]. Это большинство невозможно полностью оставить в стороне, поскольку, с одной стороны, все они были вчерашние земледельцы, с другой – хотя основные примеры взаимодействия и сопротивления китайцев властям представлены не земледельцами, в силу установки редколлегии китайское население городов не рассматривается автором.

Четвертая оговорка касается возможности "дать слово" китайцам – земледельцам применительно ко второй половине XIX – началу XX в. Мы можем исследовать проблему, опираясь лишь на тексты российских чиновников, транслировавших позицию китайцев и, вероятно, искажавших ее. Немного лучше обстоит дело, например, с китайцами, проживавшими в городах, они часто обращались к представителям российской власти, но большинство этих прошений написаны "культурными брокерами" – посредниками на стыке двух культур – русскими присяжными поверенными, переводчиками – русскими и китайцами, возможно, также привнесшими свое видение в эти "письма во власть" [16]. Исходя из этого, именно тексты представителей власти являются источниками исследования, и именно дискурс власти высвечивает проблему (не)подвластности китайских мигрантов.

Исследуемые случаи взаимодействия региональной администрации и выходцев из Китая выбраны как наиболее яркие, по мнению автора, примеры российского имперского дискурса о неподвластности последних.

Правовое положение подданных Цинской империи, оказавшихся на территории Приамурья в момент присоединения к Российской империи, было определено Айгунским договором 1858 г., согласно которому "зазейские маньчжуры", оставшиеся проживать на левом берегу Амура от Зеи на юг до деревни Хормолдзин, не только могли оставаться "вечно на прежних местах их жительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали", но и получили фактически право экстерриториальности, так как находились под юрисдикцией китайского правительства [8, с. 96; 20, с. 29]. Участники переговоров с маньчжурскими чиновниками осознавали возможные негативные последствия этой уступки, однако Н.Н. Муравьев считал более важным получить документ о праве России на левый берег Амура и надеялся, что с укреплением российского присутствия можно будет изменить статус этого населения или переселить его на китайскую сторону реки [10, с. 129].

После присоединения к Российской империи Уссурийского края, по условиям Пекинского договора 1860 г., китайские подданные, находившиеся там, могли оставаться на прежних местах и заниматься "рыбными и звериными промыслами" [20, с. 35]. В Уложении о наказаниях издания 1866 г. в примечании к ст. 172 также было прописано особое положение китайцев среди иностранцев: "...китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, высылаются их правительству" [11, с. 43]. Этот пункт учитывал положение об экстерриториальности "зазейских маньчжур". Тем самым были заложены "мины замедленного действия", приведшие к неопределённости

статуса китайских подданных на российской территории и впоследствии, с изменением миграционной ситуации в регионе побудившие власти к активной законотворческой работе по исправлению сложившегося положения [15, с. 56, 59, 82].

Договоры зафиксировали существование на российской территории двух категорий подданных Цинской империи с разным правовым статусом: "зазейские маньчжуры" – земледельцы, подчиненные маньчжурским властям, и промысловики в Южно-Уссурийском крае. Среди представителей имперской региональной администрации и исследователей края было распространено представление о том, что последние представляли собой бедных работников, бессемейных бродяг и преступников, скрывавшихся от надзора Цинской империи и не подконтрольных её властям [2, с. 49–51; 37, с. 69].

Китайцев, заселявших Приморье до присоединения к российскому государству, можно интерпретировать как население, избегавшее государственного контроля. На момент присоединения края к Российской империи точных сведений об их численности, территории проживания и занятиях не было ни у российских, ни у маньчжурских властей. Судя по обследованиям 1870-х – 1890-х годов, китайское население Южно-Уссурийского края занималось не только промыслами (охотой, добычей морской капусты, женьшеня, золота, древесных грибов, пантов и пр.), но также земледелием и неэквивалентным обменом с аборигенным населением региона. Продукты промыслов – древесный гриб, панты, морскую капусту, женьшень и пр. – вывозились в Китай [13, с. 425–426; 18, с. 84–93]. По свидетельству пионеров освоения региона, столкнувшихся с китайцами в Приморье в 1860-х годах, последние управлялись старшинами [10, с. 74–75]. Некоторые авторы не исключают того, что последние назначались и контролировались Цинскими властями [3; 13, с. 215].

В условиях, когда большая часть края оставалась малонаселённой, контакты китайцев с российским населением были эпизодическими, региональные власти относились к китайцам индифферентно, факт их присутствия на российской территории не рассматривался как проблема, требовавшая неотложного решения [15, с. 56].

Первым сигналом существования проблемы неподвластности китайцев и необходимости определить позицию по отношению к ним для администрации Восточной Сибири явились события 1868 г., вошедшие в историю как "манзовская война". Военные действия и меры, предпринятые региональной администрацией, описаны в как в дореволюционной [3; 9, с. 187–188], так и постсоветской литературе [1, с. 112–115; 6, с. 47–56; 7; 10, с. 72–73; 15, с. 57; 22, с. 110–111].

Что стало причиной вооруженного сопротивления китайцев российским войскам? Попытка команды под руководством лейтенанта А.А. Этолина, командира военной шхуны "Алеут", прекратить незаконную добычу золота китайцами на острове Аскольд вызвала недовольство последних, вплоть до решимости отстаивать свое право на золотой промысел вооруженной силой. Восставшими были выжжены пост Стрелок, села Шкотово, Суйфунское и Никольское, большинству жителей удалось спастись бегством, но не обошлось и без человеческих жертв. Выступление было подавлено военной силой. Эти события высветили для правительства и региональной администрации проблему проживания китайских мигрантов на российской территории как фактора, который может угрожать здесь позициям России [15, с. 57].

В большинстве дореволюционных работ и в официальных документах восставших часто называли хунхузами [3; 18, с. 97–98], и только некоторые авторы – вооружённой шайкой бродяг, лишенных привычных для них занятий [9, с. 187].

Можно ли объяснить вооруженное сопротивление китайцев с точки зрения концепций Дж.Скотта? Вероятно, да. Причина бунта лежала, видимо, в различных взглядах на принадлежность территории – российская власть рассматривала её как принадлежавшую Российской империи, где она имела законное право устанавливать свои правила игры, а китайские промысловики – как неподконтрольную никакому государству – зону их кормления и убежища. Они воспринимали российских военных как мешавших их законному праву на добычу золота.

С конца 1870-х – начала 1880-х гг. представители региональной администрации регулярно стали обращаться в вышестоящие инстанции, указывая на неподконтрольность китайского населения, и с просьбами прояснить его права и обязанности. Особенную озабоченность российской власти вызывал зазейский анклав в Приамурье. Изменение политики в отношении этой категории иностранных подданных также неоднократно была в центре внимания исследователей [10, с. 129–141; 15, с. 81–86].

С конца 1870-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин во всеподданнейших отчетах начал ставить вопрос о необходимости упорядочения отношений с данной категорией китайских подданных на нашей территории [21, с. 60]. В 1880 г. он распорядился провести первое размежевание земель, заселенных "зазейскими маньчжурами", предъявил маньчжурским властям требование не проникать в русские владения, не захватывать на нашей территории земли и не рубить лес. Маньчжурские власти, в свою очередь, стали распространять среди своих подданных на правой стороне Амура манифесты о временном характере пребывания русских на Амуре, а также обвиняли русские власти в нарушении трактатов.

Записка, посвященная "китайскому вопросу" и приложенная к всеподданнейшему отчету генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина за 1880–1881 гг., демонстрирует дискурс российской власти о неподконтрольности ей "зазейского анклава": "Проживая в наших пределах на государственной земле, китайцы Амурской области не отбывают для нашего правительства никаких повинностей, не платят податей, не подчиняются нашим властям и не судятся по нашим законам в случае совершения преступления, а выдаются для наказания китайским чиновникам в Айгунь" [21, с. 89]. Анучин предложил ряд мер для подчинения китайского населения российской власти [21, с. 91–92].

Как только российские власти попытались установить контроль над территорией, его население оказало сопротивление. Например, осенью 1883 г. проведение телеграфной линии от ст. Поярковой до г. Благовещенск встретило сопротивление "со стороны местного маньчжурского населения, действовавшего по приказанию китайских чиновников, присланных из Айгуна. Порядок был восстановлен 28 сентября по прибытии на место происшествий командированного губернатором Амурской области чиновника Павлицева с взводом казаков; при чем были арестованы и привлечены к ответственности двое старшин и два крестьянина, но, к сожалению, главные виновники – чиновники – успели скрыться и тем только избегли заслуженного ими наказания" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42. Л. 1об.)¹.

Для предотвращения подобных эксцессов генерал-губернатор Восточной Сибири 28 сентября 1883 г. телеграммой приказал военному губернатору Амурской области "...объявить маньчжурскому населению, сидящему на нашей территории, о принадлежности земли по левому берегу р. Амура Российскому государству, которое по ближайшему своему усмотрению может проводить телеграфы, дороги и возводить другие сооружения, с ответственностью за сохранение этих сооружений местных старшин и их обществников". Чиновник Павлицев до 13 октября обошел большую часть маньчжурских селений. 14 октября предполагалось сделать объявление в селение Дончифа, вперед для сбора населения был выслан подхорунжий Кычагов с переводчиком и тремя казаками. Они подверглись нападению местных жителей. После прибытия основного отряда порядок был восстановлен, были арестованы старшина селения Иктафа и трое крестьян – дауров. Согласно показаниям казаков, дауры отказались показывать дом старшины и стали наносить казакам побои. Дауры отрицали свою вину, настаивая, что они не поняли, чего от них хотят и испугались, что их пришли убивать, поэтому защищались, поскольку казаки их били шашками и нагайками (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 5–16). Дальнейшее разбирательство пришлось вести уже после образования Приамурского генерал-губернаторства, назначенный на эту должность барон Корф постановил крестьян – дауров подвергнуть заключению на 6 месяцев, а старшину - за бездействие на 8 месяцев (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42. Л. 17–18).

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Сопротивление российской власти выражалось в различных формах: препятствованию размежеванию земли и проведению телеграфной линии, дорог, срыв столбов, незаконной вырубке леса, воровстве сена у крестьян, уничтожении межевых знаков, расползании территории и увеличении численности поселенцев за счет переселения с левого берега Амура.

Именно тексты представителей российской власти транслируют точку зрения "заяских маньчжур" о принадлежности им заселенной ими территории и факты подогревания этих представлений Цинскими властями, регулярно посещавшими заяский анклав. Жалобы китайской стороны на незаконность действий русских властей также демонстрируют их убежденность в подвластности им "заяских маньчжур". Заяский анклав вряд ли можно рассматривать как "Зомию", ведь наблюдался явный контроль над ним со стороны маньчжурских властей: сбор налогов, воинская обязанность населения, регулярное посещение чиновниками, управляемое переселение и пр.

Опасения нелояльности китайцев, страх перед "желтой опасностью" и бытовой расизм среди населения, обостренные в период восстания ихэтуаней, паника, охватившая население области после бомбардировки Благовещенска и русских пароходов на Амуре с китайской стороны, а также и материальная заинтересованность, включая подспудное желание крестьян и казаков получить обработанную заяскими маньчжурами землю, привели к трагическому исходу – китайскому погрому в Амурской области и прекращению существования "заяского анклава" [5, с. 38–60].

Следующий кейс - история китайских земледельцев и промысловиков Сучанской долины и старшины Лигуя, детально описанная рядом авторов [10, с. 117–128; 22, с. 113–116], – иллюстрирует трансформацию отношений "Зомии" с государством.

Численность китайцев в Сучанской долине во второй половине 1860-х гг. оценивалась приблизительно в 500–1000 чел. Основным занятием оседлых китайцев было земледелие, они выращивали просо, сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и другие культуры. Кроме земледельцев здесь в определенные сезоны появлялись охотники и промысловики [13, с. 425–426]. У китайцев на Сучане существовало самоуправление, в каждом поселении на определенный срок выбирался старшина, который разбирал мелкие споры и наказывал за преступления. Над старшинами поселений стоял главный старшина. Вероятно, одним из таких главных старшин был Лигуй, обосновавшийся на Сучане около 1845 г., и к 1868 г. ставший уже зажиточным землевладельцем. Во время манзовской войны он не поддержал вооруженное сопротивление китайцев российской власти, создал для самообороны отряды китайской милиции [14, с. 118–128]. Весной 1880 г. Лигуй отказался переправить через Сучан отряд штабс-капитана Наперсткова, за что был арестован. Сохранилось "нижайшее прошение доверенного китайских манз, живущих по рекам Сучану, Цемухэ и Шидохэ манзы Суньджаулинь" от 20 июня 1880 г.: "В виду преклонных лет заслуженного старика, тем более безвинно томящегося в тюрьме, нижайше просит Вас манзовское население приказать освободить его (старшину Лиугуя²) из под ареста под поручительство оседлых манз и торгового манзовского населения города Владивостока. Следствие о беспорядках, допущенных г. Наперстковым в Сучане, как неправильно произведенное, для раскрытия истины, приказать перерасследовать в строжайшем порядке, назначив для сего опытного следователя" (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 3–3об.). Военный губернатор Владивостока А.Ф. Фельдгаузен запросил пограничного комиссара Н.Г. Матюнина, может ли Лигуй быть освобожден на поруки под поручительство манз (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 5), и тот ответил, что этого сделать нельзя, так как по поручению губернатора Приморской области его следует отослать в Николаевск (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 5об.–6). Суд, рассмотрев дело Лигуя, постановил подвергнуть его административной высылке в отдаленные от границы местности Российской империи. Однако военный губернатор Приморской области нашел действия штабс-капитана Наперсткова неясными и отменил решение суда [22, с. 114].

18 марта 1882 г. на сходе 300 китайцев был зачитан указ китайского правительства о назначении Лигуя правителем Сучана. Этот статус и белый

² В этой переписке Лигуй везде фигурирует как Лиугуй или Лиу-гуй.

хрустальный шарик чиновника 5 степени он получил во время посещения Хунчуня, вероятно, в период с конца 1880-го по март 1882 г. Лугуй собрал отряд численностью 240 чел., укрепил свою фанзу рвом и валом, стал собирать дань с подвластного населения, преследовать хунхузов. Он имел постоянную связь с Китаем, получая приказы, распоряжения и другие документы. Такая ситуация обеспокоила региональную администрацию, и в апреле 1882 г. на Сучан послали военный отряд для поимки Лигуя. Китайская почта предупредила его, и ему удалось скрыться. На Сучане был размещен воинский отряд численностью в 150 чел. [10, с. 126–128; 22, с. 114–115]. В 1880-х гг. началась колонизация Сучанской долины, китайцам приказано было выселиться, однако полностью выселить их не удалось. Даже после русско-японской войны российские переселенцы сталкивались здесь с сопротивлением китайских земледельцев, которые не всегда уходили и оставляли свои пашни, а иногда угрозами и расправами заставляли покинуть эти места крестьян. В других же случаях китайцы переходили к иной тактике – аренде у крестьян своих земель [13, с. 435–436].

Этот кейс можно интерпретировать как начало в 1880-х гг. наступления государства на неподвластное китайское население Сучана. Военные губернаторы Приморской области и Владивостока активизировали попытки установить контроль над китайцами в городах и вне их [15, с. 59–62]. Активизировались и маньчжурские власти: они протестовали против якобы нарушения российской стороной договоров, посылали чиновников, назначали старшин, стремясь наладить управление китайцами на российской территории. Этот пример иллюстрирует как сопротивление китайских земледельцев российской региональной администрации, так и попытки взаимодействия с ней. Но мы видим здесь попытки Цинской империи установить контроль над своими подданными на российской территории.

Кроме этих примеров, иллюстрирующих попытки двух государств установить контроль над населением, скрывавшимся на их периферии, можно привести случаи сопротивления китайцев и китайским, и российским властям.

С конца 1870-х гг. российская региональная администрация начала ставить вопрос о посевах мака и употреблении опиума китайцами. В 1890-х гг. обсуждение проблемы вышло на уровень правительства, и было связано с озабоченностью китайского правительства контрабандой опиума с российской территории. Региональные власти начали сбор сведений об аренде земель китайцами у крестьян и казаков под выращивание мака и масштабах производства опиума в крае. Данная проблема освещалась как в имперское, так и в постсоветское время [2, с. 138–149; 4; 14; 17; 25].

В рамках данного исследования нас интересует лишь один из аспектов - взаимодействие азиатского и русского населения Южно-Уссурийского края в выращивании мака и сопротивление ограничениям, накладываемым государством. Источником послужили несколько рапортов и докладов на имя разных должностных лиц, которые были препровождены приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти.

19 августа 1912 г. пристав 2-й части г. Никольска-Уссурийского Н.К. Рейхардт доложил начальнику Никольск-Уссурийского уезда о результатах экспедиции в долину р. Суйфун для розыска хунхузов с 15 июля по 13 августа 1912 г. Экспедиция прошла по территории уезда около 600 вёрст, выявила множество земельных участков с посевами мака, многочисленные фанзы в тайге около маковых плантаций, во всех населённых пунктах обнаружила опиокурильни и банковки, незарегистрированное оружие. Рейхардт обратил внимание на пособничество местного крестьянского и казачьего населения, и даже крестьянских начальников, хунхузам. Последние заранее предупреждались о приближении экспедиционного отряда. Крестьяне и казаки принимали участие в выращивании мака и транспортировке опиума, сдавали земли в аренду китайцам под посадку мака, что приводило к сокращению посевов злаковых культур. Об огромных масштабах посевов свидетельствовало то, что уничтоженный китайцами при бегстве от экспедиционного отряда мак, сброшенный в реку, плыл по ней ещё несколько дней. Корейцы — жители местных сёл — были вовлечены в контрабанду товаров и опиума из Китая и обратно, а казаки, жившие в пос. Корфовский, вместе с китайцами охраняли

маковые плантации для одного из арендаторов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 193—195 об.).

Подобной же озабоченностью пронизан рапорт и.д. военного губернатора Приморской области от 26 июля 1912 г. на имя генерал-губернатора. В нем говорилось о самовольных действиях местных приставов разных станов в Южно-Уссурийском крае по пресечению макосеяния русским и корейским населением, а также указывалось на то, что "китайцы владельцы маковых плантаций, в силу необходимости, являются ближайшим друзьями хунхузов, которые через них достают и провизию, а также необходимые сведения и помощь в деле приобретения нужных для их разбойничьего промысла средств и оружия, а в минуты опасности находят у них приют" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 187—191).

Рапорт заведующего Побережным переселенческим подрайоном "Применение желтого труда в 1912 году на надельных землях Побережного переселенческого подрайона", полученный генерал-губернатором 2 октября 1912 г., свидетельствовал об усиленной сдаче крестьянами своих надельных земель в аренду китайцам и корейцам. Крестьяне наладили взаимовыгодные связи с арендаторами по доставке овощей и опия в города. На маковых плантациях крестьяне собирали маковые семена для себя, для питания и выработки масла, не встречая препятствий со стороны китайцев. Особое опасение заведующего вызывало то, что крестьяне отвыкали от земледелия, посевные площади под злаками уменьшались, что увеличивало зависимость края от Маньчжурии; в районе активизировались шайки хунхузов, привлекаемые посевами мака (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 222—224 об.). По мнению заведующего, важную роль в увеличении производства опиума и вовлечения в него китайского, корейского и русского населения сыграло введение закона об ограничении желтого труда 1910 г. Не находившие себе занятия в городах на казенных работах китайцы занялись макосеянием как наиболее выгодным сельскохозяйственным промыслом [17, с. 123—125].

Озабоченность российских властей вызывало не выращивание опийного мака, до 1915 г. оно не было запрещено российским законодательством, а сдача крестьянами и казаками земель в аренду и уменьшение посевов зерновых культур. Производство же опиума и его контрабанда вызывала большее недовольство китайских властей. В 1915 г. в ответ на просьбы китайского правительства и в обмен на запрет контрабанды ханшина с китайской стороны был принят закон, запретивший посевы мака, изготовление, приобретение, хранение и сбыт курительного опия и приспособлений для курения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 206—206 об., 235). [17, с. 123—125; 25, с. 235—251].

Этот вид заработка можно рассматривать с точки зрения "моральной экономики" как способ крестьян, казаков, корейцев и китайцев обеспечить себе выживание, и восприятие ими запрета как несправедливое требование власти и потому нарушение его являлось нормативно оправданным. В архивных документах сохранилось немало свидетельств о продолжавшемся макосеянии, задержания контрабанды опиума и ханшина и после принятия закона 1915 г.

Деятельность хунхузов и на российской, и на китайской территории — тема многочисленных публикаций и в имперское, и в постсоветское время [2; 3; 6; 9; 13, с. 351—372; 19; 22, с. 110—132; 27; 28; 30, с. 222—251]. Хунхузы как явление по-разному трактовалось авторами в имперское время: одни ассоциировали их с любыми преступниками — бродягами, грабителями и убийцами, другие — с беглецами, скрывавшимися от китайских властей на неподконтрольной им территории, третьи считали их политическим сообществом, не примирившимся с российским владычеством в крае и ведущим с ним упорную партизанскую войну, четвертые — что они представляют собой наследственную касту преступников, из поколения в поколение занимавшихся грабежами и убийствами [30, с. 233].

Можно ли рассматривать хунхузничество как социальный или политический бандитизм, вооруженный отпор "Зомии" государству или проявлением "моральной экономики"?

В.Н. Рудокопов, например, утверждает, что главный смысл хунхузничества в Северной Маньчжурии — это вооруженный политический протест против существующего в Цинской империи порядка [19, с. 942].

По словам Ф.Ф. Буссе, китайское население в Уссурийском крае было недовольно приходом русских: "Ближайшими своими врагами хунхузы по справедливости считают русских, от которых исходят стеснения их деятельности. Эта ненависть распространяется на всякого европейца, и нет ему пощады, если обстоятельства позволяют совершить убийство". Местные же китайцы под "страхом поджогов, истязаний и убийств" полностью подчиняются хунхузам и боятся оказать хоть какое-нибудь сопротивление: "За донос русским властям, за извещение соседей для отражения нападения хунхузов, следует неминуемая смерть, часто сопровождаемая самым зверским истязанием. Если хунхузы не встречают гостеприимного приема и достаточного угощения со стороны манзы, то побои и разграбление всего хозяйства составляют обыкновенное возмездие" [3].

Эти слова вполне вписываются в трактовку Южно-Уссурийского края в качестве "Зомии": хунхузы считали его своей территорией обитания, зоной кормления, а существующее здесь население подвластным и обязанным платить своеобразную дань, неповиновение строго каралось, а русские воспринимались как завоеватели, устанавливавшие свои порядки, а потому вооруженный протест являлся законным и нормативно оправданным.

Однако некоторые из дореволюционных авторов настаивали, что основным объектом нападений были китайцы и корейцы, а на русских переселенцев и охотников, села и станицы хунхузы нападали редко, в столкновение же с воинскими и казачьими отрядами вступали лишь при острой необходимости [30, с. 234–239]. Тем не менее материалы расследований и судебных дел свидетельствуют о том, что нападения хунхузов на русские села и грабежи русских купцов-мещан были нередким явлением, но в действиях хунхузов почти всегда прослеживался корыстный интерес, а не политический подтекст.

С точки зрения "моральной экономики крестьянина" не слишком ли экстремальна была подобная борьба за выживание? В отличие от преобладающих видов преступлений и незаконных способов наживы китайских мигрантов – мелкие кражи, мошенничество, содержание притонов, уклонение от выборки билетов и торговых документов, и пр., – бандитизм представлял собой экстремальные варианты "экономики выживания" и предусматривал экстремальные наказания. Нападения хунхузов на китайских, корейских и на российских переселенцев отличались жестокостью. Можно привести примеры убийств семей российских крестьян, пустивших для ночлега китайцев к себе в избу. И столь же жестким был ответ российской власти на подобные нападения – в большинстве дел о нападениях хунхузов виновные были подвергнуты военному суду и высшей мере наказания – смерти через повешение, и лишь в редких случаях приговор Приамурским генерал-губернатором был смягчен до каторжных работ - бессрочных или на 20 лет. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 38. 18 л.; Д. 49. 22 л.; Д. 725. 266 л.; Д. 747. 235 л.; Д. 779. 173 л.)

Таким образом, наличный фактический материал предоставляет исследователям возможность различных толкований: в одних случаях мы можем интерпретировать сопротивление китайцев российским властям как подвластность китайским, в других – как разнообразные формы неподвластности любому государству. Сопротивление выходцев из Китая избыточному или незаконному (по их мнению) давлению государства проявлялось в различных формах: самоуправление китайцев в крае, которое, вероятно, представляло собой косвенное управление китайскими властями; препятствование проведению дорог и телеграфных линий; невыборки билетов и неуплаты налогов; занятие незаконными промыслами, включая посадки опиумного мака и производство опиума; хунхузничество и пр. В дискурсе власти сквозит озабоченность неподвластностью китайцев, но уже наличие этого дискурса и усилий региональной администрации по установление контроля над азиатскими мигрантами свидетельствует о начавшемся процессе установления подвластности "Зомии". Выводы большинства исследований политики российской власти в отношении китайских мигрантов на Дальнем Востоке говорят о том, что региональная администрация с 1880-х годов проводила курс на установление контроля над азиатскими мигрантами на российской территории. Ряд факторов мешал этому процессу: огромные пространства и слабая заселенность, медленное развитие инфраструктуры, "слабость власти" (малая численность бюрократического аппарата, его недостаточная осведомленность о ментали-

тете и особенностях образа жизни китайцев, недостаточное число чиновников со знанием китайского языка, медленное принятие политических решений и пр.). Тем не менее говорить о полной неподвластности китайских мигрантов российским властям (и/или китайским) и, следовательно, о том, что Приамурье и Приморье в конце XIX – начале XX в. представляло собой "Зомию", нельзя, скорее, речь идет об "экономике выживания". Проблема неподвластности китайцев имперской / советской властью была решена весьма экстремально: трагическим выселением "зайских маньчжур" в 1900 г. и депортацией китайцев на родину в конце 1930-х гг.

Литература

1. Авилов Р.С. Влияние маньчжурской войны 1868 г. на развитие сухопутных сил России на Дальнем Востоке // История и культура дальневосточной России и стран АТР. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010. С. 112–115.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1914. Т.10. Вып.1. 203 с.
3. Буссе Ф.Ф. Значение хунхузов для Южно-Уссурийского края // Голос. 1880. № 35.
4. Браиловский С.Н. Опиум, его культура и потребление в Уссурийском крае. Отд. оттиск из "Приамурских ведомостей". Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. 77 с.
5. Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская "Утопия" 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
6. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: ЗАО "Центрполиграф", 2010. 254 с.
7. Кондратенко Р.В. Маньчжурская война. Дальний Восток 1868 г. СПб.: "Издательство Остров", 2004. 143 с.
8. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М.: Мысль, 1973. 324 с.
9. Надаров И.П. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник. 1896. № 9. С. 183–204.
10. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 372 с.
11. Нестерова Е.И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2. С. 40–50.
12. Никулин А.С. Власть, подчинение и сопротивление в концепции "моральной экономики" Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 4-5 (1). С. 148–158.
13. Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб.: ООО "Береста", 2003. 960 с.
14. Позняк Т.З. Борьба региональной администрации с опекуренением на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. и изучение опыта стран Восточной и Юго-Восточной Азии // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX – XXI вв. Вып.III. Сб.науч. ст. Хабаровск, 2019. С. 249–269.
15. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
16. Позняк Т.З. "Культурные брокеры" и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX– начале XX в. // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 21–33.
17. Позняк Т.З. Повседневные практики российско-китайского трансграничного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. // Труды Института истории археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 117–130.
18. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток, 1949. 346 с.
19. Рудокопов В.Н. Хунхузы // Исторический вестник. 1910. Июнь. С. 925–947.
20. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 138 с.
21. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост.Сибири Д.Г.Анучина. Т.1. Вып.1. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернатора за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления гражданского. Иркутск, 1884. 384 с.
22. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 192 с.
23. Скотт Дж. С. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва: Университетская книга, 2005. 566 с.

24. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 586 с.
25. Сорокина Т.Н. "Взаимное соглашение о спирте и опиуме": опыт совместной борьбы России и Китая с контрабандой в начале в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX–XXI веков. Сб. науч. ст. Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 229–251.
26. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. 262 с.
27. Сухачева Г.А. Дореволюционная литература о хунхузах в России // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 42–46.
28. Сухачева Г.А. Хунхузы в России. Отечественная историография последней трети XIX в. о проблеме хунхузничества на российском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 90–96.
29. Шанин Т. Об этнографической социологии Джеймса Скотта // Социология власти. 2012. № 4-5. С. 9–16.
30. Шрейдер Л.И. Наш Дальний Востоке. Три года в Уссурийском крае. СПб.: Изд-во А.Ф.Девриена, 1897. 468 с.
31. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб, 1883. Т. 1. 323 с.
32. Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia. New Haven; L.: Yale University Press, 1976. 246 p.
33. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1984. 389 p.
34. Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993. 269 p.
35. Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. 445 p.
36. Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

References

1. Avilov R.S. Influence of the Manzhou War of 1868 on the development of the Russian ground forces in the Far East // History and culture of Far Eastern Russia and the Asia-Pacific countries. Materials of the All-Russian scientific conference of young scientists. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. P. 112–115. (In Russ.).
2. Arseniev V.K. The Chinese in the Ussuri region. Historical and ethnographic essay // Notes of the Amur Department of the IRGO. 1914. T. 10. Issue 1. 203 p. (In Russ.).
3. Busse F.F. Significance of the Honghuz for the South Ussuri Territory // Voice. 1880. № 35. (In Russ.).
4. Brailovsky S.N. Opium, its culture and consumption in the Ussuri region. Dep. print from "Primurskiye Vedomosti". Khabarovsk: Printing house of the office of the Amur Governor-General, 1901. 77 p. (In Russ.).
5. Dyatlov V.I., Guzey Ya.S., Sorokina T.N. Chinese massacre. Annunciation "Utopia" of 1900 as assessed by contemporaries and descendants. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 208 p. (In Russ.).
6. Ershov D.V. Honghuzi: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. M.: CJSC "Tsentrpoligraf", 2010. 254 p.
7. Kondratenko R.V. Manzu war. Far East 1868 St. Petersburg: Ostrov Publishing House, 2004. 143 p.
8. International relations in the Far East. Book. 1. M.: Thought, 1973. 324 p. (In Russ.).
9. Nadarov I.P. Honghuzi in the South Ussuri Territory // Military collection. 1896. № 9. P. 183–204. (In Russ.).
10. Nesterova E.I. Russian administration and Chinese migrants in the south of the Russian Far East (second half of the 19th - early 20th centuries). Vladivostok: FEGU Publ., 2004. 372 p. (In Russ.).
11. Nesterova E.I. Management of the Chinese population in the Amur Governor-General (1884–1897) // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2000. № 2. P. 40–50. (In Russ.).
12. Nikulin A.S. Power, subordination and resistance in the concept of "moral economy" by James Scott // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Sociology series. 2003. № 4 5 (1). P. 148–158. (In Russ.).
13. Petrov A.I. History of the Chinese in Russia. 1856–1917 St. Petersburg: Beresta LLC, 2003. 960 p. (In Russ.).
14. Poznyak T.Z. The struggle of the regional administration against opium smoking in the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries. and studying the experience of the countries of East and

Southeast Asia // Actual problems of studying the history of the Asia-Pacific countries in the XIX – XXI centuries. Issue III. Sat. scientific Art. Khabarovsk, 2019. P. 249–269. (In Russ.).

15. Poznyak T.Z. Foreign nationals in the cities of the Russian Far East (second half of the 19th – early 20th centuries). Vladivostok: Dalnauka, 2004. 316 p. (In Russ.).

16. Poznyak T.Z. "Cultural brokers" and intercultural interaction in the cross-border space in the second half of the 19th – early 20th centuries. // Proceedings of the Oriental Institute. 2016. № 2 (30). P. 21–33. (In Russ.).

17. Poznyak T.Z. Everyday practices of Russian-Chinese cross-border interaction in the second half of the 19th – early 20th centuries. // Proceedings of the Institute of the History of Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2020. V. 27. P. 117–130. (In Russ.).

18. Przhevalsky N.M. Journey in the Ussuri region. 1867–1869 Vladivostok, 1949. 346 p. (In Russ.).

19. Rudokopov V.N. Honghuzy // Historical Bulletin. 1910. June. P. 925–947. (In Russ.).

20. Russian-Chinese relations. 1689–1916. Official documents. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1958. 138 p. (In Russ.).

21. Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia. Ed. by order of the Governor-General of East Siberia D.G. Anuchin. T. 1. Issue 1. The Most Submissive Reports of the Governor-General for the Period from 1879 to 1882 and Papers on General Questions of Civil Administration. Irkutsk, 1884. 384 p. (In Russ.).

22. Sinichenko V.V. Offenses of foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 192 p. (In Russ.).

23. Scott J.S. Good intentions of the state. Why and how projects to improve human conditions have failed. Moscow: Universitetskaya kniga, 2005. 566 p. (In Russ.).

24. Scott J.S. The art of being invincible. Anarchist History of the Highlands of Southeast Asia. M.: New publishing house, 2017. 586 p. (In Russ.).

25. Sorokina T.N. "Mutual agreement on alcohol and opium": the experience of the joint struggle between Russia and China against smuggling at the beginning of the century. // Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries. Sat. scientific Art. Scientific ed. V.I. Dyatlov. – Irkutsk: Impression, 2010. P. 229–251. (In Russ.).

26. Sorokina T.N. Economic activity of Chinese subjects in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur region (late XIX – early XX centuries). Omsk, 1999. 262 p. (In Russ.).

27. Sukhacheva G.A. Pre-revolutionary literature about hunghuz in Russia // Historical experience of the development of the Far East. Issue 4. Blagoveshchensk: Publishing house of AmGU, 2001. P. 42–46. (In Russ.).

28. Sukhacheva G.A. Honghuzi in Russia. Domestic historiography of the last third of the XIX century. on the problem of hunghuzism in the Russian Far East // Russia and the Asia-Pacific Region. 1996. № 4. P. 90–96. (In Russ.).

29. Shanin T. On the ethnographic sociology of James Scott // Sociology of power. 2012. № 4-5. P. 9–16. (In Russ.).

30. Schreider L.I. Our Far East. Three years in the Ussuri region. St. Petersburg: Publishing House of A.F. Devrien, 1897. 468 p. (In Russ.).

31. Shrenk L.I. About foreigners of the Amur region. St. Petersburg, 1883. Vol. 1. 323 p. (In Russ.).

32. Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia. New Haven; L.: Yale University Press, 1976. 246 p.

33. Scott J.C. Weapons of the Week: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1984. 389 p.

34. Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993. 269 p.

35. Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. 445 p.

36. Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

Информация об авторе

Татьяна Зиновьевна Позняк, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Information about the author

Tatiana Z. Poznyak, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History of the Russian Far East, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023

Received 03.07.2023

Одобрена после рецензирования 20.08.2023

Approved 20.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023